

Расшифровка интервью

Дата: 04.03.2016

00:00:47

Я Владимир Туриянский.

00:00:10

В каком году вы родились?

Я родился в 1935 году.

00:00:17

Расскажите немножко о своей семье, родителях

Что же я могу рассказать? Отец у меня — совслужащий. Он работал референтом при правительстве, может быть. Их все вопросы интересовали. Он вообще-то был экономистом по специальности, участвовал в Гражданской войне в свое время, был редактором журнала, который назывался «Сахароварение». Это такой специальный журнал. Как тогда говорили: «Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия — Троцкого». Вот он занимался сахарной деятельностью. Он, видимо, с моей мамой познакомился в Одессе, потому что мой дед был сахаровар и работал на сахароваренном заводе именно Бродского. А он был инженером.

00:01:48

Что за семья была у отца? Они были из разночинцев, дворян, мещан?

Нет, мы никакими не были разночинцами. Наоборот, это была черта оседлости, поскольку моя мама и папа были евреями. Мама окончила гимназию. Так что она была грамотный человек. Она имела право даже преподавать в школе по тогдашним законам.

00:02:28

А где они жили? В городе каком они жили?

В Одессе. Отец не из Одессы. Он из Златополя. Так назывался раньше [населенный пункт], сейчас не знаю, как он называется.

00:02:49

У отца какое образование было?

Он окончил университет, по-моему. Документов у меня никаких не сохранилось, потому что были такие смутные годы, когда ожидалось повторные аресты. Все документы были уничтожены на всякий случай — мало ли что. Но он был инженером-экономистом.

00:03:15

Он в партии был?

Он был в партии.

00:03:20

А с какого года?

Не знаю. Раз он участвовал даже в Гражданской войне, значит, из старой гвардии.

00:03:35

Вы родились в 35-м году. А где вы родились?

В Москве.

00:03:42

Чем занимались в это время [родители]? Я так понимаю, отец был референтом,

редактором журнала. А мама?

Мама домохозяйка была в это время. Она тоже какой-то деятельностью занималась. Но в основном считалось, что она домохозяйка.

00:04:07

А у вас есть братья, сестры?

У меня мой родной брат погиб в 43-м году под Смоленском. А сестра умерла позднее уже после реабилитации.

00:04:23

Я так понимаю, что в 37-м году уже были какие-то события в вашей семье. Можете о них рассказать? Что это было? 37-й год.

Я, естественно, про 37-й год не помню, потому что мне был год и девять месяцев

00:04:38

Я понимаю, но мама, наверное, рассказывала.

Что же она могла рассказывать? Я смотрел дело отца. В годы перестройки можно было пойти... На Кузнецком мосту был архив. Я посмотрел. Четыре следователя дали заключение, что никакой нет вины и состава преступления. Тем не менее была такая организация под название «ОСО». Две ручки, одно колесо. Тачка, знаете, такая была. Она, не видя человека, дала пять лет. Не только ему, а многим. Он год там просуществовал и погиб в лагере.

00:05:47

А за что? Обвинения какие были?

58-я, пункт 10. Что это такое? «Анτισоветская агитация». Не знаю, какая агитация. Видимо, он проголосовал в 27-м году не в ту сторону. А в 37-м году ему это все припомнили.

00:06:19

А вы можете рассказать о ваших первых воспоминаниях?

Мои первые воспоминания — это поход с самой в отдел НКВД. Мы должны были каждый месяц ходить туда отмечаться. Это было в Кустанае — Казахстане.

00:06:41

Как ваша семья оказалась в Кустанае?

Мы были как семья «врага народа» высланы в административном [порядке] с запретом проживать в 64 городах Советского Союза: в столицах республик, областных центрах и так далее. Нам было назначено место поселения в Казахстане куда-то в Кишлак. Но когда мама села, — мне двух лет даже не было — сказала: «Никуда не поеду — расстреливайте, но дальше не поеду». Мы остались в городе Кустанай.

00:07:31

А там что было? Как она жила там?

Перебивались с хлеба на квас. Как мы могли жить? Я даже не знаю, кем она работала. Каким-то сторожем. Кто же мог взять на работу человека с такой статьей? Сами понимаете. Сестра работала на каком-то заводе, поскольку те времена грамотных людей было не так много. Она все-таки закончила среднюю школу. А когда отца арестовали, брат оказался у родных. У мамы братья были в Киеве, в Кировограде. Он тогда Кировоградом назывался. А сейчас не знаю, как называется этот город. Он там был у маминого брата. Когда нас выслали в ссылку в Казахстан, он поехал к нам, был арестован, поскольку добирался... Хотя ему было 15 лет, был посажен в тюрьму за бродяжничество, отсидел год и приехал к нам в Казахстан, Кустанай. Там он с нами побыл, и тут война началась. Вот такая жизнь.

00:09:21

Я так понимаю, сестра у вас старшая?

Да, сестра — старшая. Она 18-го, по моему, года рождения.

00:09:30	Она с вами отправилась в ссылку? Конечно.
00:09:33	А брат остался?.. А брат остался у брата мамы.
00:09:43	Я так понимаю, что у вас была жизнь в ссылке. Ваше первое воспоминание — о том, как вы ходите отмечаться. А дальше вы можете рассказать? Где вы жили? Где мы жили? Сняли какой-то подвал у какого-то хозяина-старовера. Он нам дал возможность. На берегу реки Тобол дом у него, [а еще] улица, набережная. Сам город небольшой был. Но на окраине города, на берегу реки у него был дом, и в подвале мы жили, снимали у него [помещение]. Он разрешал нам жить за какую-то плату. Я не знаю подробностей [за какую].
00:10:41	А сестра училась? Нет, сестра не училась. Как мы приехали, она сразу пошла работать.
00:10:51	То есть в 37-м вы туда поехали? В 37-м выслали? В 38-м, я так думаю... В 37-м, конечно, в 37-м мы туда приехали сразу после ареста отца.
00:11:09	То есть мама и сестра работали. Вы были маленьким. Конечно, я ходил в детский сад какой-то. Не помню, что это был за детский сад.
00:11:20	А когда вы первый раз узнали, что отец арестован? Трудно сказать, когда я первый раз узнал. Я не могу точно сказать. Мне кажется, знал всегда, что он арестован, поскольку такое клеймо было. Изоляция была. Никто не хотел с нами дела иметь — ни разговаривать, ничего. Общались мама и сестра, видимо, с такими же ссыльными, но надо было держать язык за зубами, иначе тут же настучали и узнали бы так или иначе. Страх — это основное чувство у них по крайней мере. У меня-то какой мог быть страх? В три или четыре года я ничего не соображал особенно, но потом начал уже понимать.
00:12:24	А когда и с чем это связано? Когда вы начали понимать? Трудно сказать. Когда в школу пошел.
00:12:35	Может, было какое-то событие? Когда в школу пошли, как к вам относились дети? В основном никак. Скорее, как к еврею: «Жид!» И так далее. Драки там происходили постоянные. Приходилось защищаться.
00:13:01	Я так понимаю, вы эту изоляцию чувствовали в детстве? То, что вы ссыльный, вы когда это осознали? В школе. Кругом, конечно, и дома были разговоры. И мама, и сестра писали всяческие письма по поводу бедственного положения, о своей невиновности, на которые никаких ответов практически никогда не было.
00:13:41	А кому они писали?

Я не знаю куда. В прокуратуру, в НКВД, в бывшую партийную организацию, потому что они оба были члены партии.

00:13:55

Вы когда уже были в ссылке, вы о судьбе отца что-то знали?

Нет, ничего не знали. Сохранилось одно письмо, которое он написал. Я не знаю, каким чудом [оно осталось]. Все письма, документы мама сожгла. Он писал, видимо, в течение этого года. Одно письмо у меня есть. Он писал, что он здоров, что ничего ему не надо. Просил только бумаги прислать, потому что бумаги там не было.

00:14:54

А мама знала, что он умер через год? Когда вообще узнали, что он умер?

Только после реабилитации. А до этого мы не знали.

00:15:05

Письма прекратились?

Ничего, просто лишен права переписки.

00:15:15

То есть мама как-то пыталась узнать?

Конечно, но ничего [не получилось]. А узнали только после всех дел. Пришла официальная бумага, что в 38-м он [осужден], и дата смерти. Диагноз — воспаление легких. Бог его знает, что там за воспаление легких. Место захоронения — неизвестно. Так официально написано. Какое там место захоронения? Тундра? Ни широты, ни долготы.

00:15:59

А куда он был отправлен? Что это был за лагерь?

Это лагерь под Интой — Ухтпечлаг. Там сидел также известный писатель Лев Разгон. Это я потом уже узнал. Но это был лагерь уничтожения. А в 37-38-е годы прокатилась волна [репрессий] по всей стране. У меня осталась тюремная фотография. Когда я смотрел дело, там было две тюремных фотографии. Я одну попросил. Они мне отдали. Там написано: «Тюремная фотография. Анфас. Профиль». И аббревиатура «ЗТ» — зиновьевски-троцкистский блок.

00:17:05

То есть он был как троцкист?

Видимо, да. В деле [указана] просто «антисоветская пропаганда». Какая-то ерунда. Я не помню точно. Бодяга сплошная. Но состава преступления никакого нет. Четыре следователя написали, которые вели дело.

00:17:31

А вы когда дело смотрели, может быть, там был какой-то донос или это было общее дело? Он был с другими с кем-то?

Там ничего такого не было. Но донос, видимо, действительно какой-то был. Но неизвестно кто. Может быть, соседи по коммунальной квартире, поскольку у нас было две комнаты. Нас пять человек, и у нас было две комнаты. По тем времена это было очень большое достижение.

00:18:06

А где вы жили в Москве?

Это нынешняя улица Чкалова, Земляной Вал. Там был дом. Но он был во время войны разбомблен. Его не существует.

00:18:25

А место вы знаете?

Где-то примерно на Земляном валу. Официальный адрес есть где-то во всяких документах.

00:18:36

То есть вы, конечно, этого не помните. Это только уже родители рассказывали.

Конечно, я не помню. Откуда же я могу это помнить? У нас квартира была интересная. Там были контр-адмирал Бадигин, который прошел в одну навигацию Северный Ледовитый океан на ледоколе «Сибиряков»; известный дирижер Силантьев — тот, который дирижировал хором и оркестром. Известный.

00:19:15

То есть это был престижный, по всей видимости, дом?

Он был не очень престижный. Но в те времена жилищный вопрос был очень сложный.

00:19:30

По тем времена две комнаты — это большое пространство?

Да, трое детей и родители. Пять человек. Две комнаты было.

00:19:44

А уже в ссылке вы понимали, как мама относится, например, к Сталину и к Ленину?

Это было табу. Об этом вообще не говорили ничего. Я позднее просто сам стал относиться.

00:20:02

А как вы стали относиться?

Как я мог относиться? Как вы думаете? Я же видел, что происходит. У меня глаза есть. Для этого образования не надо, а надо просто видеть, что происходит.

00:20:18

Ребенком что вы видели, что происходит? Расскажите тем, кто не может понять.

Как следует я уже начал понимать, когда жил на 101-м километре. В 46-м году мы туда переехали. После того как мой брат погиб и поскольку все время писали всякие письма, нам разрешили уехать из ссылки, но дальше 101-м километра мы не могли никуда уехать и жили в Струнино — там же, где жила Надежда Яковлевна Мандельштам. Там много кто жил. Она там раньше жила, по-моему.

00:21:04

Так что же там произошло? Что вы начали понимать?

Там много было ссыльных людей. Кого только там не было: и строители Днепрогэса, и «бывшие». Кто угодно там был. А потом я понимал и чувствовал эту атмосферу в стране. Это надо чувствовать, когда кричат все: «Да здравствуйте Сталина!» Я помню: была замечательная сцена в пионерском лагере. Нас пионервожатый заставлял кричать: «Спасибо товарищу Сталину за арбузы!» Нам привезли арбузы в пионерский лагерь. Я понимал, что это идиотизм.

00:21:58

А сколько вам лет было?

Уже в пионерском возрасте.

00:22:06

Вы в школу пошли в ссылке?

Да.

00:22:09

Но там, я так понимаю, не было каких-то с учителями и детьми проблем, связанных с тем, что вы ссыльный, а были только национальные проблемы. Да?

Нет, у был любимый учитель истории Николай Григорьевич Афанасьев — замечательный человек, фронтовик. Он ослеп даже. Когда был в школе, плохо видел. Он был ранен во время уличных боев то ли в Берлине, то ли в Будапеште. Учитель истории. Я уже не помню, конечно,

деталей, но он даже меня приглашал к себе домой. Не знаю, почему он так хорошо ко мне относился — не как к ссыльному. Он как-то к мне с пиететом относился. Он просил меня на уроках истории читать книги. Поскольку он историю преподавал, читали «Петра Первого» Толстого или про Ивана Грозного. Но вскользь я понимал его отношение. Он фронтовик. Он понимал что почем. Были какие-то разговоры, но не очень все это у меня задержалось в памяти. Отношения у нас с ним были [не столько] педагога с учеником, а больше дружеские. Я очень много читал. Он, видимо, понимал, что я не совсем обычный.

00:24:05

А местное население, обычные обыватели, осторожно относилось?

На 101-м километре как-то было полегче, чем в Казахстане. В Казахстане была очень плохая обстановка. А на 101-м километре все люди были ущербные. Или это были бывшие узники ГУЛАГа, или блатные. Я пережил амнистию 53-го года знаменитую, когда убивали за три рубля. Там другое было отношение. Там были все равны. А в Казахстане — нет. Там мы были «враги народа».

00:25:01

Вам когда-нибудь это говорили в лицо?

Мне нет. Я был ребенок. А маме и сестре — конечно.

00:25:14

В Москве некоторые люди, у которых были репрессированы родители, рассказывали, что им во дворе кричали: «Сын врага народа». У вас когда-нибудь такое было?

Я не помню. Но были какие-то разговоры, разборки, драки. Я был только до третьего класса, а в четвертом классе я уже учился в Струнино.

00:25:43

А вы дрались в детстве?

Конечно, а как же? Тогда это было дело чести. Тогда все дрались один на один, класс на класс, чуть не школа на школу. По-честному — до первой крови. Не так, как сейчас, когда пять человек могут на одного напасть. Тогда такого не было.

00:26:11

А из-за чего могли подраться?

Из-за чего угодно. Допустим, мне сказали: «Жид». Я сказал: «Пойдем, выходи после уроков, разберемся». Выходил человек, и дрались.

00:26:32

Вы были, например, пионером?

Пионером был, к сожалению.

00:26:38

Это девять-десять лет, когда вступали?

Самая моя высшая должность — это заместитель редактора пионерской классной газеты. Это моя самая высшая должность при советской власти. Выше я не поднимался. Карьера была, конечно... Я писал без ошибок и был грамотным человеком по сравнению с другими, даже с теми, кто со мной учился. Видимо, так было, поскольку меня просили всегда [о помощи], хотя почерк у меня был очень плохой. Меня даже в Казахстане учительница казахстанская оставила на второй год во втором классе, потому что мама моя не могла принести «бакшиш» так называемый, то есть какую-то взятку. Там все носили, видимо, а у нас ничего не было, чтобы принести. Она не знала, за что меня посадить на второй год, и посадила чистописанием. Тогда был предмет «чистописание». Какое там может быть чистописание, когда мороз — 40 градусов? Чернила замерзают. Я уже не знаю, какое может быть чистописание. Каллиграфию тогда не преподавали.

00:28:22

А помните недоедание, голод? Было тяжело?

Конечно, недоедание сплошное было. Картофельные очистки не выбрасывались никогда, а делали из них очень вкусные драники, оладьи из картофельных очисток. Это было хорошо. Пшенная каша с тыквой, свекла. Сколько угодно свеклы там. Я до сир пор ее терпеть не могу, особенно — селедку под шубой. Селедку я могу, конечно, съесть, но шубу нет. Зато это, видимо, дало мне какое-то здоровье. Свекла, тыква — это все полезные продукты, но не вкусные.

00:29:22

Мама как-то вам объясняла, что с отцом?

Нет, у нас разговоры на эту тему не велись. Она сказала: «Да, это недоразумение. Папа не виноват. Это происки». Конечно, странные люди. Они все-таки были большевики и коммунисты. И в письме даже отец пишет: «Я думаю, что придет время, когда докажут, что мы невиновны, а наши враги будут наказаны. Враги должны быть наказаны и посажены». Но это уже чисто большевистская логика.

00:30:27

А к Сталину у мамы какое все-таки отношение было?

Разговоров никаких не велось.

00:30:34

А у вас? Когда сформировалось это отношение и какое оно было?

Конечное какое?... Я же понимал, в каких условиях мы живем, и понимал, из-за чего это происходит. В те времена тоже сажали людей. Люди уходили по этапу, пропадали. Раз — и нет. А в чем дело? Откровенно говоря, я в те времена не очень-то задумывался. Молодой был. Я позднее уже стал... Мне начала попадаться литература всякая. Я уже стал сам разбираться. Но отношение у меня уже сложилось единолично без всякой литературы. Моя судьба, невозможность нормальной жизни, скитания по всяким углам — за что, собственно говоря? Понятно, откуда все происходит.

00:31:50

Для меня всегда было очень интересно и важно: как человек, вы же понимали, что и родители у вас репрессированы, и вы репрессированы. Вы же были в этой системе.

В общем да.

00:32:03

Но при этом вы были пионером.

00:32:05

А что делать было?

00:32:08

Как на человека в детстве?..

Я к этому относился очень поверхностно. Что теперь делать? Как говорится, с волками жить — по-волчьи выть. Ну, пионер. Но комсомольцем я уже не был.

00:32:28

А почему?

Не знаю. Как-то так получилось.

00:32:32

Не хотели вступать или не предлагали?

Как-то не получилось. А потом когда в институт поступил, мне предлагали, но я не стал, конечно, поступать в институт. В армии меня заставили в комсомол вступить. Армейский

комсомольский билет у меня где-то даже есть. Но как только пришел из армии, я его выбросил куда-то и комсомольцем уже не стал.

00:33:06

Понятно. В 46-м [1946-м] вам уже было 11 лет. Вы переехали за 101-й километр в Струнино. А там вы где жили? Что это был за дом?

Где мы там только не жили... В разных местах. Этот городишко Струнино довольно обширный со всякими близлежащими поселками в разных местах. В начале в одном месте жили, а потом в другом. По-моему, в четырех или в пяти местах мы жили. Но снимали комнату в избе у хозяев. Там обычные дома были.

00:34:03

А мама там где работала?

Мама работала в какой-то артели. Сапоги какие-то резиновые клеила. Сестра работала... Там хлопчатобумажный комбинат известный был. Барановская мануфактура — такой крупный очень комбинат. Она работала там кем-то. Поскольку она грамотная была, она кем-то там работала.

00:34:35

Вы ходили отмечаться в ссылке. А вы помните, как это происходило? Как это происходило?

Откровенно говоря, не очень помню. Помню, что шли... Помню это НКВД.

00:34:50

А когда переехали в Струнино, там надо было маме отмечаться?

Там — нет.

00:34:55

То есть у вас как бы ссылка закончилась? И остался только «минус» в паспорте у мамы?

Да, это уже была не ссылка. Я даже не знаю...

00:35:09

Это называлось «минус» в паспорте — ограничение.

«По рогам» — поражение в правах. Да, было запрещено жить в каких-то городах, занимать какие-то должности государственные и партийные. Но отметок никаких [не было]. Я не знаю. Может быть, были, но мне мама ничего не говорила.

00:35:42

А здесь уже отношение в школе какое было к вам?

В школе? В школе нормальное. Там понимали. Кто не был... Я не знаю... У меня как-то сложились отношения даже с директором школы. Я с его сыном дружил. Он меня приглашал в гости к себе. Давления никакого я не испытывал.

00:36:17

А вы в это время знали таких же детей, у которых были репрессированы родители?

Да, одного знал. Именно политического. Там, конечно, много было такого блатного люда.

00:36:44

А блатные как-то с политическими конфликтовали? Дети?

Нет, особенно нет. Этого не было. Я не помню, откровенно говоря, чтобы возникали какие-то проблемы в связи с этим делом. Нет, ничего такого не было.

00:37:14

Когда умер Сталин, помните?

Помню, конечно, прекрасно. Я учился в девятом классе.

00:37:21

Расскажите, как это было.

Как?.. Всплеснулось всенародное горе. Полкласса поехало в Москву. А я сказал: «Вы что, дураки что ли? Куда поехали?» Они чуть не погибли в Москве. Конечно, они не попали никуда. Без галош вернулись. Слава [богу] — башку могли оторвать. Я-то понимал, что это такое. Умер — и слава тебе господи.

00:37:53

А у вас какие-то мероприятия в школе были по этому поводу?

Какие-то траурные были мероприятия — что делать? Я тоже сидел с постной физиономией. А что я мог сделать? Но помалкивал. Что я должен был делать? Кричать как в лагере: «Хабибулин сдох!»?

00:38:17

А родители как? Мама? Сестра?

Они, конечно, не бегали, не ликовали. Но во всяком случае разговоры были. Наверное, что-то изменится, и ждали... Начали сразу писать во всякие инстанции после 53-го. Но я все равно помню, [что] эти бумаги приходили: «В просьбе отказано», «все законно». До 56-го.

00:38:50

А в 56-м что изменилось?

А в 56-м я уже был в армии. Без меня произошла реабилитация. Там прислали документ, что отец был неправомерно осужден и реабилитирован. Нет никакого преступления. Тогда уже стали хлопотать о том, чтобы вернуться в Москву. Я был в армии в это время.

00:39:30

Вы хорошо учились?

До седьмого класса очень хорошо учился. После седьмого — хуже значительно. У меня были предметы, которые я любил, по которым у меня были хорошие оценки: русский язык, литература, история, география. А физика, математика, химия — это все тройки и четверки. Посредственно.

00:40:03

А кем хотели стать? Было какое-то?..

Да нет. У меня особенно никаких не было [желаний]. Я поступал в институт... В какой институт же я поступал? «Светметзолото». Это ведомственный был институт. Конечно, меня завалили сразу на экзаменах. Это был 54-й. Я, конечно, не поступил и пошел в армию.

00:40:35

А в армии где служили?

В армии служил первый год в Уссурийской тайге в Еврейской автономной области под Биробиджаном. А потом в разных [местах]. Потом в Уссурийске, который «Ворошилов-Уссурийский» назывался потом. А сейчас он «Уссурийск», по-моему, называется. Последний год был в Хабаровске.

00:41:12

А какие были рода войск? Это что было?

ПВО. Когда я попал в армию, таких, как я с 10 классами, было не так много. Я сразу попал в школу артиллерийских мастеров. Мы занимались ремонтом таких приборов, которые управляют зенитным огнем. И чуть было в Корею не попал. Предыдущий выпуск весь этой школы попал в Корею. Война была в Корее. Наш выпуск тоже готовился в Корею попасть, потому что там стреляли по американским самолетам из зениток с помощью наших приборов. К счастью, там все закончилось в 55-м, и мы в Корею, слава богу, не попали.

00:42:15

А вы сколько лет служили в армии?

Три с лишним года.

00:42:20

И [когда] вернулись, вам уже было сколько лет?

Я вернулся в 58-м. Мне было уже 23 года.

00:42:39

А дальше что?

А дальше что? Я пошел работать. Прописали в Москве. Нам дали одну комнату на троих человек.

00:42:53

То есть я понимаю, что процесс реабилитации происходил, когда вы были в армии?

Да, да.

00:43:00

Справку о том, что отец реабилитирован, вам дали, я так понимаю?

Да, да.

00:43:10

И мама тоже должна была быть реабилитирована?

Нет, мы не были реабилитированы до 90-х годов официально. Дело в том, что у меня есть один мой замечательный друг Виктор Левенштейн. Ему сейчас 95 лет. Он в Америке живет. Он был осужден за попытку покушения на Сталина. Там целая группа была посажена людей, в числе которых были знаменитые сценаристы Фрид и Дунский. Знаете таких? Это одна была группа. Левин — такой физик — там был. Их всех арестовали. Их человек 20 было там. Бубнов такой был... То ли маршал, то ли кто он там был. Военачальник какой-то. Их всех арестовали за попытку покушения. Они все, конечно, не признались в покушении, а просто признались, что велись какие-то разговоры. У них там нашли какую-то турель от пулемета какого-то. А поскольку они собирались в квартире на Арбате, то им вменили, что они хотели то ли стрелять из окна — там была правительственная трасса, — то ли гранату бросить. Дело в том, что в конце концов выяснилось, что эта квартира окнами во двор выходит. Тем не менее все пошли все равно по этапу. Кому пять [лет дали], кому — 10. Фриду и Дунскому 10 дали, моему другу — пять дали. Он сидел вместе с Солженицыным даже в Экибастузе.

00:45:13

Это вы про реабилитацию?

Он попросил мою жену сходить в этот архив, поскольку его отец был в свое время тоже расстрелян. Он какой-то крупный «метростроевский» был начальник. И попросил дело взять, и какие-то сделать выписки, потому что он писал какую-то книгу. И он написал эту книгу. Она была издана. Не знаю, может, она есть где-нибудь в «Мемориале» («Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован — прим. Ред.). Наверняка есть там. И про себя он написал, как он сидел. И про отца [написал]. Он попросил ее сделать. Когда она туда пошла, то она поняла, что я могу тоже туда пойти и посмотреть дело. Я пошел туда и тоже посмотрел дело отца. Тогда они мне сказали: «А чего же вы?.. Напишите заявление». Я говорю: «А зачем я буду писать заявление?» — «Ну как? Ну вот посмотрите. Напишите». Я написал. Они меня потом вызвали и дали мне удостоверение о том, что я тоже был репрессирован и реабилитирован. Так же реабилитировали уже посмертно и маму, и сестру, и брата. Выдали такие справки, хотя они уже в реабилитации ни в какой не нуждались.

00:46:44

А вы когда это дело взяли, вы можете рассказать, что вы чувствовали?

Что я мог чувствовать, конечно?.. Омерзение. Ясно было, что это... Что я мог чувствовать?

00:47:04

Некоторые рассказывают, что они не могут взять дело, потому что боятся увидеть, что там делали с их близкими.

Нет, я не боялся ничего. Просто посмотрел, прочитал. Оно очень небольшое было. Какое там дело?.. Какая-то ерунда. Собрание о том, что он уклонялся от генеральной линии. Не знаю, может быть, кто-то донес, но там в деле ничего нет.

00:47:42

А вам все дали дело посмотреть?

Я не знаю, все или не все, но дали папку какую-то.

00:47:54

Дальше вы вернулись из армии. Дальше как ваша судьба складывалась?

Я поступил в институт. Он назывался «Библиотечный» тогда, а потом [стал] Институт культуры. Год я там проучился, поехал в экспедицию геологическую и бросил институт. Стал работать сезонным рабочим, потом устроился на постоянную работу. Забыл о высшем образовании. Да ну... Мне оно не нужно было. Что оно мне дало? Я очень много читал. Мне это было совершенно [не нужно]. А понимал, что карьеру какую-то мне делать даже в те времена с такой биографией [будет очень сложно].

00:48:48

То есть вы понимали, что биография играет в вашей судьбе такую роль серьезную?

Конечно-конечно. А как же? Я же не один такой был.

00:49:03

Я просто знаю, что некоторые — правда, до смерти Сталина — не могли поступить в институты. У кого-то после смерти Сталина уже были какие-то ограничения по поступлению.

Нет, там же были отделы кадров, которые все прекрасно знали. Документы сдать можно было, но так или иначе [все равно] заваливали, вычеркивали по той или иной статье. И по пятому пункту и по таким делам тоже. Так что я прекрасно понимал, что мне не очень светит карьера какая-то. Поэтому я особенно...

00:49:57

А почему именно геология?

А потому что там свободные люди даже в те времена были. Там другая совершенно жизнь была. И дух другой.

00:50:08

Расскажите как это?

Мы свободно себя чувствовали.

00:50:17

В чем эта свобода выражалась?

Свобода общения. Высказываться могли и говорить все, что хотели друг другу в те времена.

00:50:30

Вот интересно: я так понимаю, что до какого-то момента для вас это была тема не очень такая... Дома об этом не говорили.

Да, и я сам предпочитал вообще об этом не думать. Не хотел. Я цену этому знал достаточную. Я уже к этому времени много прочитал всего. Особенно — после армии. Мне попадалась всякая литература и в самиздате, и тамиздате. И «Голос Америки» (внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов — прим. Ред.). Поэтому я знал этому цену. Потом я попал в диссидентскую кампанию такую известную довольно — к Пете Якиру, допустим. Я всех их там знал. [Знал] [Юлия] Кима, [Анатолия] Марченко.

00:51:45

В диссидентскую кампанию вы уже попали в какое-то более позднее время?

Конечно, случайно. Один мой приятель был с кем-то там знаком. Он был знаком с Кимом, а Ким был женат на дочери Якира. Такая цепочка.

00:52:09

В этой диссидентской кампании вы уже как-то свободно могли говорить об этом? Почему люди объединялись так? Я знаю, что у жены Кима отец репрессирован.

Да, Якир, конечно. А сам Ким был тоже репрессирован. Конечно.

00:52:37

Была ли какая-то закономерность? Почему люди объединялись в такие [кружки]?

Там не только такие были люди, кто был репрессирован. Например, Андрей Твердохлебом — из вполне благополучной семьи. [Ими было подписано обращение к интеллигенции]: Твердохлебов, Ким, Сахаров. У него отец был то ли министром, то ли заместителем министра какого-то — я не знаю какого. Из вполне благополучной семьи. Там всякие были. Много тех, кто просто понимал, что происходит вообще, что было и что происходит.

00:53:37

После 56-го что-то изменилось в стране? Вы рассказывали про атмосферу страха, в детстве которую вы чувствовали. А после 56-го?..

Она тоже была, конечно. Я не боялся, но атмосфера это была. Лично я не боялся.

00:54:01

Но после 56-го все-таки были какие-то изменения в обществе? И если были, то какие? После XX съезда. Мне просто интересно.

Какие?.. Мы все надеялись на то, что что-то изменится. Я не знаю... Сидели мы на Патомском нагорье и разговаривали, изменится ли у нас когда-нибудь, кончится [ли] советская власть или нет. Я сказал: «Когда наши однокашники придут к власти, тогда что-то изменится». Действительно, так и произошло.

00:54:45

Понятно. В геологических экспедициях вы стали работать. А когда творчество началось? Когда вы стали писать, например, песни?

Песни я стал писать, еще когда занимался туризмом, ходил в походы. Тогда пели всякие песенки Визбора, Светлова. Поскольку я играл на гитаре, я и пел. На стихи сначала на чужие написал, а потом свои стал писать.

00:55:26

А это какой уже период? Это когда вы уже в геологию ушли?

Да, первую песенку я написал, когда был в походе на полярном Урале. А потом я стал работать в экспедиции и там стал писать песни, поскольку я с гитарой ездил.

00:55:56

Я так понимаю, что это стало большей частью вашей жизни. Вот это творчество.

Основной, конечно. Потому что работа для меня была способом легально жить в государстве, поскольку там существовала статья о тунеядстве. Я чуть было по этой статье не загремел.

00:56:24

Это как было?

Все время справка требовалась в домоуправление. Я там набил рожу одному комсомольскому работнику. Меня арестовали, когда я учился еще в институте. Хотели, чтобы я какую-то бумагу подписал. Я говорю: «Давайте я прочту сначала». А он мне не дал, конечно, ничего прочесть. Это был 60-й или 61-й.

00:57:02

По какому поводу бумага-то была? Что это была за бумага-то?

Это какой-то там обвинительный акт был, что я дрался, набил морду кому-то, избил четырех человек, хотя никого не избивал, а дал ему только по морде. Его избил, действительно. Короче говоря, ничего не подписал. Он сказал: «Ну, ладно, иди». А ему говорят: «Набейте ему морду, и все». Я говорю: «Пожалуйста, пошли тогда». Дело кончилось этим. А потом вдруг пришла повестка мне уже домой — явиться на Петровку, 38. Не знаю, при чем тут Петровка. Я понял, что дело очень плохое, потому что я не работал в это время и меня точно посадят. Денег у меня не было. Я сел на поезд Москва — Чита без билета, купил билет до какой-то станции и без билета доехал до Читы, а там мне сказал один приятель: «Приезжай в Читу. Я тебе геологическую партию устрою там». Я туда доехал и там работал.

00:58:27

Вы говорите, что диссидентская кампания. Это уже какие годы были?

Это были уже 60-70-е. Конец 60-х и 70-е.

00:58:45

У вас же, наверное, благодаря тому, что вы выписали песни, какой-то такой своеобразный был круг общения?

У меня там много всяких кругов было общения. Не только из диссидентской компании. С геологами я общался и с людьми совершенно разными.

00:59:15

Меня интересует, когда вы спокойно уже могли среди людей, которых вы знали или не знали, рассказывать о своей судьбе? О том, что вы были в ссылке, о том, что у вас был репрессирован отец?

Я никогда не скрывал. Я всегда об этом говорил даже в 60-е, когда в институте учился и когда работал. Когда я работал в экспедиции, начальник отдела кадров говорил мне: «Владимир Львович, вы на рабочего не похожи». Хотя я рабочим числился. Я говорил: «А че, я должен в телогрейке что ли ходить и пьяный [быть]?»

01:00:15

Вот я так понимаю, что уже в 80-90-е годы вы уже получили реабилитацию, да?

Да. Даже в... Я уже не помню год точный. Где-то у меня даже есть справка какая-то. Я взял...

01:00:45

Мне не хотелось беречь душу, разбираться в этом деле, копать. Я понимал, что почему, что такое Сталин, что такое советская власть. Все это прекрасно понимал, что это за машина уничтожения и так далее. Но... И участвовал даже в диссидентском движении, письма подписывал какие-то. Какие — я уж не помню. Но какие-то подписывал.

01:01:17

А расскажите поподробнее. Что значит было участвовать в диссидентском движении в конце 60-70-х?

Ну что это было за движение? Ну писали письма, подписывали в защиту кого-то. Скажем, Даниэля и Синявского. Или Галанского, или Марченко, или еще кого-то там.

01:01:43

Вы подписывали письмо в защиту Даниэля?

Те, которые мне давали подписывать, я подписывал.

01:01:48

А можете сказать какие?

Нет, не могу. Не помню, какие.

01:01:52

Даниэля и Синяевского подписывали?

Не помню. Врать не стану.

01:01:58

А Галанскова не помните?

По-моему, подписывал.

01:02:03

А кто давал вам их?

Ну, кто? Петя Якир давал. Мы там собирались на «Автозаводской», часто песенки пели, выпивали что-то. Там много кого бывало. Там и Галич был.

01:02:25

Просто очень интересна диссидентская часть. Для нас она закрыта вообще — мы очень мало знаем. По крайнем мере я знаю мало. Я так понимаю, что вы волей судьбы попали к диссидентам.

Наверное, Ким вам больше мог бы рассказать, чем я. Он больше участвовал. Я не очень участвовал в этом деле. Там, понимаете в чем дело, тоже была иерархия своя. Какие-то письма давались подписывать, какие-то нет. Какие-то более важные.... Видимо, это так. Это я сейчас так понимаю. Потому что, допустим, на Красную площадь мне никто не предложил пойти. Может, я бы и пошел. Но пошли семь человек, которые сговорились, пошли, остальных никого не посвятили. Я лично не знал о том, что они пойдут и какая-то акция готовится. Журнал этот «Хроника текущих событий», который... Кто его делал?.. По-моему, Ира его делала, и Ким там принимал участие. Но я не принимал. Если бы предложили, я бы, может быть, и стал бы заниматься, но мне никто ничего не предлагал. Письма подписывал, какие давали.

01:03:55

То есть это была ограниченная среда и они старались лишних [не брать]?

Там была, я бы сказал, мания преследования даже такая легка. Конспирация там была жуткая, хотя в самой этой компании уже были люди [как] «фигуры, лица не имеющие», как говорили раньше.

01:04:25

Вы просто встречались? А где вы встречались чаще всего?

В основном на квартире у Петра Якира. И на других, конечно, [квартирах]. И у Твердохлебова я бывал, и академик Сахаров приходил туда. В разных местах все это было.

01:04:53

Я так понимаю, что там же должны были разговоры как-то отличаться. Это же не просто разговор был на кухне.

Это были именно разговоры на кухне. И песенки на кухне — там все было. А что мы могли сделать тогда? Выйти на улицу? Нас бы просто арестовали. Вот они вышла на Красную площадь и все получили сполна.

01:05:22

А о чем говорили на диссидентских кухнях, расскажите?

Ну, трудно сказать. Я не могу конкретно [сказать]. Говорили о том, что такое свинство происходит, что надо что-то делать — а что? Там разные точки зрения были. Генерал Григоренко, например, был сторонник открытых боев — сразу на баррикады. А другие люди не хотели этого, а, наоборот, такую деятельности [вести]: письма [писать] и «Хронику текущих событий» [делать]. Ну, протестное такое... Разные были.

01:06:12

А вы были за что?

Трудно сказать. Я даже и не знаю. Но если бы мне предложили выйти, я бы вышел.

01:06:27

А если бы вооруженное какое-то было [выступление], вы бы участвовали?

Нет, насчет вооруженного... Я не был сторонником такого. Я понимал, что это за машина, что мы бы были моментально уничтожены. Поэтому нет. Легальный протест — да. Я был сторонник такого.

01:06:51

А люди были же арестованы из этого вашего круга?

Там куча людей была арестована — куча.

01:07:01

Вы сами понимали, что вас тоже могли по этому поводу арестовать?

Понимал, конечно. А как же? Я даже когда работал в Якутии... В Вилюйске я работал и рядом там еще... В это время Твердохлебов сидел в Нюрбе в ссылке. Я даже к нему туда в ссылке ходил. Один из нескольких человек: у него академик Сахаров был, и я был. Все. Остальные все... Один мой приятель... Его еще в Якутске арестовали. Он к нему ехал. Он был женат на его сестре. Он к нему ехал туда. Его в Якутске арестовали, посадили на 15 суток и отправили в Москву опять. Одного вообще посадили. Нашли у него какую-то нелегальщину. А я просто так поскольку там рядом работал, я узнал [об этом]. Мне начальник моей партии говорит: «Слушай, он «Голос Америки» (внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов — прим. Ред.) слушал». А я с ним разговаривал на эти темы. Он фронтовик. Он тоже жив до сих пор. Я у него недавно был. Он говорит: «Слушай, твой приятель сидит рядом тут в Нюрбе. Не хочешь туда к нему?» — «А как туда? Я в Вилюйске, а это Нюрба. Это еще 100 километров» — «Сейчас туда вертолет летит. Давай туда». Я прилетел в Нюрбу. Там начальник соседней партии тоже был мой приятель. И я пешком пошел из Нюрбы, из поселка, туда к нему, где он сидел. В книжке написано. Она носит биографический характер, хотя там герой литературный. Он выдуман, но биография какая-то частично моя.

01:09:30

Я так понимаю, что эти люди четко понимали, что такое советская власть. Вы говорите про начальника партии. Он был фронтовик. Вы с ним обсуждали какие-то вещи, связанные?..

Нет, мы с ним ничего не обсуждали. Ничего. Просто я ему говорил что-то, рассказывал, что... К тому времени уже были известны эти постановления, эти письма к интеллигенции. Он слушал «Голос Америки» (внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов — прим. Ред.), поэтому он в курсе. Но мы разговаривали. Я уже не помню, о чем мы говорили и как. Но он сам мне предложил. Он говорит: «Вот твой приятель тут сидит в Нюрбе. Не хочешь к нему слетать?»

01:10:23

Вы «Голос Америки» (внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов — прим. Ред.) слушали?

Слушал, когда это было возможно. Конечно.

01:10:31

А «Немецкую волну» (внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов — прим. Ред.)?

Да, и «Немецкую волну» (внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов — прим. Ред.) иногда, и «Би-би-си». Тогда очень глушили сильно.

01:10:44

Это был реальный источник информации?

В общем да. Во всяком случае можно было знать что-то, что нам не говорили — такие факты, скажем.

01:11:08

В 90-е годы уже при перестройке как вами поворот к перестройке и личность Горбачева были восприняты?

Я не знаю. Как всегда какая-то появлялась видимость надежды, что будет что-то, изменится, что будет что-то к лучшему. Во всяком случае я был рад, потому что получил возможность... Книжку смог издать таким образом. У друзей каких-то деньги появились в те времена. Издали книжку. Один зашел ко мне, и я издал сразу три диска лазерных с песнями. Я положительно относился, конечно, к перестройке, но особенных иллюзий не питал. Не знаю уж почему. Видимо, Россия — такая страна, что вечно нам не везет.

01:12:24

91-го года события. Вы где были, когда защита была Белого дома?

Я был в Москве. Я был как раз на прямой... Интересное дело: была прямая передача. Там же было два таких крупных события: в 91-м и 93-м. Когда была с Белым домом, я был [с Белым] домом. Когда из пушек стреляли, я понимал, что лучше туда не ввязываться. Да и возраст у меня уже был такой приличный.

01:13:05

А 91-й, когда путч [был]?

Я здесь был. Это был август месяц — или что это было? Я в бане был как раз.

01:13:30

Очищались.

Да.

01:13:34

То есть вы в этих событиях не участвовали в 90-е?

Нет, нет, я понимал, что это дело плохое, в это не стоит ввязываться, потому что я не верил во все это.

01:13:51

А в 93-м году к разгону Верховного Совета вы как относились?

В общем положительно.

01:13:59

То есть вы были как бы на стороне Ельцина?

В общем, да.

01:14:03

А почему?

Потому что он был против Коммунистической партии.

01:14:08

Но он же сам коммунист.

А что же теперь делать? Откуда же других было взять? Все были коммунистами.

01:14:18

А ваша супруга тоже как-то относится к репрессированным? То есть у нее родители были репрессированы? Нет?

Моя жена... Ее фамилия девичья — Гедиминас. Ее дед был арестован и посажен за какие-то родственные отношения к Романовым, к царской семье, хотя он никакого отношения не имел. Но Гедиминасы — это были родня Романовым. У них какие-то существовали [связи]. Это другая совершенно ветка была. Он тоже дворянин был. Но к Романовым не имел никакого отношения. Но тем не менее был посажен в тюрьму. А родители ее вполне нормальные. Папа ее — профессор университета. Умер уже, правда. Так что нет.

01:15:45

А в каком году вы встретились с женой?

В 73-м.

01:15:56

А то, что у вас родители были репрессированы, вы сразу с ней об этом говорили?

Нет, она меня прекрасно понимала и разделяла мои взгляды взгляды. Хотя родители ее — они были очень, видимо, сильно напуганы.

01:16:16

Как это выражалось? Почему?

Они были чисто просоветские люди. Что они на самом деле думали — я не знаю. Но они были... Хотя они не члены партии были. Скорее всего, это боязнь какая-то. То ли в генах уже боязнь, то ли черт его — я не знаю.

01:16:43

А дочь ваша? Она вообще знает эту часть истории вашей семьи про репрессии?

Конечно, знает.

01:16:50

Для нее это важно?

Я не знаю. Наверное, важно. Но она человек такой не очень открытый. Не знаю, что она думает. Я думаю, что нет, она, конечно, единомышленник безусловно. Но она уже другой человек. Это другие времена, другое поколение.

01:17:15

Она какого года?

Рождения? Она 74-го.

01:17:24

А она кто по профессии?

Она работает в театре Вахтангова концертмейстером.

01:17:36

Тогда такой вопрос. Нужен ли нам наш Нюрнберг [Нюрнберг] наш собственный, чтобы осудить этот режим, который был?

Какой?

01:17:51

Скажем, большевистский.

Нужен, конечно.

01:17:57

Он еще актуален, по-вашему?

Так а кого судить? Сталина судить?

01:18:03

По крайней мере, да.

Его осудили, по-моему.

01:18:10

А как сейчас говорят...

Нет, я не против Нюрнбергского [Нюрнбергского] суда. Я за обеими руками. Это

действительно был кровавый режим. Там были убийцы самые настоящие. Никаких разночтений я тут не вижу. Конечно, нужен.

01:18:31

А как, вы думаете, вообще все эти события, связанные с репрессиями, с этой страшной историей, отразились на нас сегодняшних? Мы из-за этого как-то поменялись?

А кто «мы»?

01:18:49

Скажем, люди, которые сейчас живут в России и считают себя гражданами.

Сейчас уже другие люди. Поколение совершенно другое. Я же вам говорил, что у нашего народа память короткая. Никто не хочет ничего вспоминать и думать о том, что было. Все живут сегодняшним днем. Никому не интересен, что Сталин — кровавый убийца. А есть половина страны, которая еще думает о нем хорошо. Их не затронуло — что им считать его убийцей или судить его, когда они замечательно жили при нем?

01:19:51

Какой, по-вашему, должен быть Музей истории ГУЛАГа? Что здесь должно быть?

Трудно сказать какой. Я не музейный работник — я не знаю, что должно тут быть.

01:20:10

Есть тут какие-то запретные темы, вот что точно нельзя говорить про нашу историю?

Если говорить о ГУЛАГе, какие могут быть там запретные темы? Никаких запретных [тем]. Все должны все знать все, что там было. Но, по-моему, особо ничего [не скрывается]. Я не знаю, скрывается [ли] что-нибудь? Наверное, что-то скрывается. Не то что скрывается, а просто не публикуется, не говорится об этом, хотя все это известно давным-давно, что было и что есть.

01:20:54

Скажите, пожалуйста, почему сейчас снова закрыты архивы Лубянки? Как вам кажется?

Это я не знаю. Я, во-первых, от вас только слышу первый раз, что они закрыты.

01:21:10

Не все закрыты. Фонды какие-то закрыты.

01:21:12

Не знаю. Может, мало ли там...

01:21:18

В 90-е годы было рассекречивание. Сейчас многие фонды снова засекречены.

Черт его знает. Я не могу сказать, почему это. Значит, кто-то в этом заинтересован.

01:21:34

А в вашем творчестве... Мы просто, конечно, вас слушали. Эта тема репрессий насколько вам важна? Я просто знаю, что у вас в песнях это упоминается.

Я просто хочу, чтобы об этом знали. Музей для чего существует? Чтобы люди приходили и знали, что было, знали о прошлом. Многие даже не знают. Например, Вадик Егоров говорит: «А я и не знал». А ему хотел сказать: «Идиот! Как ты мог не знать?» Он как-то еще давным-давно приехал то ли во время перестройки... Он говорит: «Я был в Швеции и там нашел книгу писем диссидентских. Я нашел письма, где ты подписывал». Я говорю: «Ну да, подписывал» — «А я этого ничего вообще не знал». Это Егоров — интеллигент, который пишет песни. Он ничего не знал. Это человек, который кончил педагогический институт, где учились Ким, Визбор — репрессированные люди. Он не знал. Это он не знал, а таких [людей], которые не

знают, — миллионы. Вот в чем все дело. А должны знать. Для этого, наверное, и должен существовать Музей ГУЛАГа, и архив должен быть открыт, конечно. Не знаю, кто его открывает [закрывает] и зачем. Кто-то значит... Где собака зарыта — не знаю. Я об этом не задумывался. Я даже и не знал, что закрывают [архивы].

01:23:45

«Сообщаю, что постановление, по которому в 1936 году был осужден Туриянский Лев Абрамович к пяти годам ИТЛ, по протесту... Дело прекращено постановлением президиума Московского городского совета». Это 56-й год. «Выдана в том, что постановление НКВД СССР по Московской области, по которому были административно высланы из города Москвы Туриянская Вера Григорьевна, Туриянская Анна Львовна, сыновья Туриянские Владимир, Александр... На день административной высылки Туриянские проживали в городе Москве на Садово-Земляном валу, д. 48а, к. 3, кв. 7.» На нас распространялось постановление Совета Министров от 8 октября 1955 года за исключением подпункта «а».

01:25:09

Это вас реабилитировали, скорее всего, в это время. А подпункт «а»... Не помню, что это.

«Туриянской Вере Григорьевне. Сообщаем, что ваше заявление об установлении местонахождения Туриянского Льва Абрамовича нами направлено отделу управления города Воркута, откуда вам сообщат дополнительно». Это в 56-м году мы еще не знали, что с ним. «Дело по обвинению Туриянского Льва Абрамовича пересмотрено и отменено за недоказанностью обвинения». Это то же самое что ли? «Отменено за недоказанностью обвинения. По материалам архивного следственного дела Туриянский Лев Абрамович... Златополь». Вот он где родился. Город Златополь Киевской области. «Был арестован. Особым Совещанием НКВД назначена мера наказания — пять лет лишения свободы. Дата освобождения не имеется». «Ваша жалоба от 3 января 1955... Проверкой дела Туриянского установлено, что осужден он правильно. Оснований к пересмотру дела не имеется. Жалоба отклонена». Это в 55-м. Свидетельство о смерти. «Гражданин Туриянский Лев Абрамович умер 17 августа 1938 года в возрасте 55 лет. Причина смерти — воспаление легких, о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти произведена соответствующая запись. Место смерти — неизвестно. Место регистрации — город Струнино». Вот в 56-м году нам сообщили. Это справка о реабилитации моей. «Гражданин Туриянский Владимир Львович. Год и место рождения: 1935, город Москва. Место жительства до применения репрессии: Москва, Садово-Земляной вал, д. 40а, к. 3, кв. 7. Когда и каким органом репрессирован: 9 июля 1937 года УНКВД Московской области. Основание: применение репрессии по политическим мотивам в административном порядке выслен в несовершеннолетнем возрасте вместе с матерью в Кустанайскую область в связи с осуждением его отца Туриянского Льва Абрамовича особым Совещанием при НКВД СССР по статье 58-10 УК к пяти годам лишения свободы. На основании пункта «а» Закона “О реабилитации...” Туриянский Владимир Львович реабилитирован». Это 96-й. Они мне тогда выписали. Я ничего не хотел и не добивался. Они меня заставили... Попросили, вернее, написать заявление. Это из дела фотография тюремная. Это Струнино, 47-й год. Это тоже я. Это кому-то отдавали на память и не забрали обратно. Это ссылка в Казахстане. Это мой брат, который погиб под Вязьмой.